

УДК 316.347
ББК 60.545.1
И 20

И.С. Иванова,

аспирант кафедры социологии и культурологии Кубанского государственного аграрного университета, г. Краснодар, тел.: 89615193503, e-mail: freesoul_girl@list.ru

ФАКТОРЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ: МИРОВАЯ И ОТЕЧЕСТВЕННАЯ СПЕЦИФИКА

(Рецензирована)

Аннотация. В статье представлены результаты теоретического исследования в сфере этнической политики. Полученные данные отражают специфику этнической политики на современном этапе, позволяют произвести оценку на мировой и отечественной арене, а также выявить перспективы развития регионализма.

Ключевые слова: этническая политика, национализм, этнонационализм, региональная политика, мультикультурализм, этносоциология.

I.S. Ivanova,

Post-Graduate student of the Department of Sociology and Culturology of the Kuban State Agricultural University, Krasnodar, ph.: 89615193503, freesoul_girl@list.ru

ELEMENTS OF ETHNIC POLICY AT THE PRESENT STAGE: WORLD AND NATIONAL HALLMARKS

Abstract. The paper presents the results of theoretical research in the field of ethnic policy. The data reflect the specifics of ethnic policy at the present stage and allow the author to make an assessment at the global and domestic arena, as well as identify the prospects of the development of regionalism.

Keywords: ethnic policy, nationalism, ethnic nationalism, regional policy, multiculturalism, ethnosociology.

В связи с усилением влияния глобального фактора на большей части социального пространства обостряется проблематика межнациональных, межэтнических отношений. Следствием этого становится актуализация «этнической политики» как научной категории, а также в рамках конкретных социально-политических практик. При этом в научных работах интерпретации этнической политики диктуются не только методологически, но и идеологически (Кольев,

Борисова, Олескин). Представляется, что столь сложное и противоречивое явление как этническая политика следует рассматривать как с точки зрения мировых тенденций, так и применительно к специфической ситуации, в данном случае – к российской.

Последние десятилетия этническая проблематика все больше заявляет о себе как международная проблема, в связи с чем некоторые авторы обоснованно ставят вопрос об актуализации нового направле-

ния в этносоциологии – этноглобалистики [1; 14]. Можно полагать, что обострение этнической проблематики связано с двумя моментами, которые можно обозначить как микронационализм и этнические миграции. Причем оба эти явления обычно рассматриваются в качестве продуктов глобализации.

Первая проблема связана с частичной утратой суверенитета государством-нацией при одновременном увеличении значения этнических общностей, даже самых незначительных в количественном отношении. В связи с этим, «попытка установить равновесие между требованиями нового интернационализма и потребностью в более тесной и близкой национальной общности становится ресурсом трений и конфликтов» [2].

В свое время формирование больших наций-государств являлось ответом на жесткие вызовы индустриализации и модернизации. Сейчас же в странах Западной Европы уже с последней трети двадцатого столетия стал заметен процесс регионализации, в основу которого заложено культурное обращение к своим традициям, связанным с происхождением. По выражению западного философа Г. Люббе, «регионализм – это национализм маленьких наций, которые должны утвердиться в своем сопротивлении давлению больших наций» [3; 218]. С точки зрения швейцарского исследователя У. Альтерматта, регионализм является западноевропейской реакцией на нивелирующие тенденции глобальных процессов [4; 217–218]. В то же время европейская интеграция и региональные движения вовсе не противостоят, а поддерживают друг друга. Так, если классический (или старый) национализм весьма настороженно относится к объединенной Европе, то современный регионализм обычно к ней настроен дружелюбно, ожидая от нее поддержки в борьбе против

централизации в своем собственном национальном государстве.

При этом необходимо отметить, что логика капитализма, вышедшего на международный уровень, предполагает постоянные движения человеческих ресурсов – рабочей силы. Обострение межнациональной проблематики происходит в основном вследствие миграции дешевой рабочей силы в индустриально развитые страны, порождая не только этнические, культурные, но и социально-классовые последствия. Так, по данным на первую половину 2000-х гг. в государствах Европейского союза число занятых в производственной деятельности иммигрантов составляло чуть менее 50%, а размеры их заработной платы колебались в пределах 55–70% от заработка коренного населения. В то же время безработица среди них вдвое превосходила средний уровень безработицы среди самих европейцев [5; 106].

Бесспорно, миграции выступают неотъемлемым феноменом общественных процессов (ряд современных развитых стран имеют именно мигрантскую природу – Австралия, Канада). Однако иммиграционная проблема, имевшая место в разное время и в отдельных регионах, приобрела универсальность именно сейчас. Как отмечает А. Галкин, предпосылки этого стали обнаруживаться уже со второй половины двадцатого столетия. А глобальное информационное общество послужило фактором невиданного усиления миграционных потоков. Здесь и информационные коммуникации, сформировавшие массовые представления у жителей отсталых стран о благополучии западного мира; и развитие транспортных средств, наконец, сыграло свою роль либеральное иммиграционное законодательство многих индустриально развитых капиталистических стран, принятое в эпоху «холодной войны», с расчетом «на стимулирование политически мо-

тивированного массового бегства в «царство свободы» [6; 76]. В результате миграционные потоки превысили регулируемые пределы, во многих случаях попросту превзойдя реальные возможности конкретных стран. В рамках государств Первого мира образованы ряд анклавов Третьего мира, где вновь прибывшие составляют заметное большинство населения. Отсюда, по замечанию А. Галкина, «прежняя проблема адаптации и интеграции чужестранцев в соответствующее сложившееся общество превратилась в совсем другую – сосуществования коренного населения с вновь образовавшимися национальными меньшинствами» [6; 77].

В то же время постиндустриальные трансформации работают более не на сглаживание, а на усугубление этой проблемы. По утверждениям теоретиков постиндустриализма (В.Л. Иноземцева, Р. Райха, М.Г. Делягина), технологический прогресс обеспечивает не только автоматизацию, но и компьютеризацию трудового процесса, что закономерно сокращает реальные рабочие места не только нижнего, но и среднего звена [7]. Поэтому наплыв трудовых мигрантов изменяет ситуацию на рынке труда в сторону еще более значительного превышения предложения над спросом. Тем самым, постиндустриализм сузил спрос на определенную рабочую силу, тогда как ее предложение в связи с миграционным наплывом существенно выросло.

Ситуация осложнилась еще и тем, что в современных миграционных потоках значительно выросла доля выходцев из стран с компактным мусульманским населением, чьи менталитет, ценности, образ жизни весьма мало стыкуются с культурными характеристиками большинства коренных жителей Европы. Кроме того, довольно значительная доля мигрантов последней волны не имеет первичного образования, примитивной профес-

сиональной подготовки и трудовых навыков, что сделало предельно трудным их трудоустройство. Данная категория лиц обречена пребывать на социальном дне общества, что не обходится без определенных последствий.

Наконец, поменялись ориентации самих иммигрантов, которые, в отличие от своих предшественников, по большей части уже не стремятся интегрироваться в принимающий их социум, то есть выучить местный язык, принять (хотя бы частично) существующие здесь культурные обычаи и образ жизни. Иммигранты «все чаще рассматривают себя как устойчивое национальное меньшинство, четко осознающее свою этническую специфику, свои интересы и возможности их отстаивать, используя политические и юридические средства, утвердившиеся в ареале нового пребывания» [6].

В связи с вышеизложенным, идеологическая природа национализма претерпевает определенные сдвиги. Специалистами констатируется проявления воинствующего национализма, принципиально отличающегося от традиционного гражданского национализма. Последний в качестве цели провозгласил интеграцию общности, рассматриваемой как нация, преимущественно на культурной основе, и главным способом здесь считалась ассимиляция. Современный же национализм главный упор делает уже не на идею нации, а на идею этноса, что выдвигает на первый план новые методы и стратегические ориентиры. Как известно, терминологическое отличие «нации» и «этноса» заключается в том, что первое выступает политическим понятием, тогда как второй – родовым [8; 370–371]. В связи с этим в современном национализме оказываются усилены социально-биологические расовые мотивировки. Национальная интеграция, по сути, отождествляется с вытеснением «этнически чуждо-

го элемента» путем либо изгнания, либо физического уничтожения». В связи с этим при анализе нового национализма принято использовать понятие «этнонационализм» (У. Альтерматт, А.А. Галкин) как более отражающее специфику нынешних реалий.

Проекты решения так называемого «нового национального вопроса» (термин А.А. Галкина) сводятся к нескольким вариантам. Первый вариант предполагает позиционирование в качестве ведущей культуры страны прибытия мигрантов, что, естественно, вызывает возражения со стороны второго варианта – популярной сейчас модели мультикультурализма. Последняя делает ставку на свободное сосуществование различных культур в едином политическом, экономическом пространстве без признания преимущества за какой-либо культурой. В этом случае ни одна из культур не подвергается опасности ассимиляции, как это неизбежно следует при первом варианте.

Именно мультикультурная модель получила закрепление в ряде международных правовых документов. Принятые в 1966 г., «Всеобщая декларация прав и свобод человека ООН», «Международный пакт о гражданских и политических правах», «Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах» содержат положения о том, что «все народы имеют право на самоопределение; все народы для достижения своих целей могут свободно распоряжаться своими естественными богатствами и ресурсами; все участвующие в настоящем Пакте государства... должны в соответствии с положениями Устава Организации Объединённых наций поощрять осуществление права на самоопределение и уважать это право». Несколько позже были приняты и другие международные документы, где утверждается расширение прав человека за счёт дополнительных прав этниче-

ских групп, меньшинств с «целью достижения эры демократии, мира и единства». Речь идет о Парижской хартии всей Европы (1990 г.) и европейской «Декларации о хартии народов и регионов», принятой в Карлсруэ в 1996 г. [9; 171].

В то же время А.А. Галкин отмечает, что и мультикультурная модель имеет свои слабые места, что выяснилось при попытках ее практической реализации. Речь идет о «прогрессирующей «капсулизации» этнических общин, чреватой превращением общественного организма в систему «несообщающихся сосудов», что явно работает на дестабилизацию общественной системы [6; 80]. Названный автор предлагает модель, весьма близкую подходу «конституционного патриотизма» немецкого социального философа Ю. Хабермаса, где предполагается ставка не столько на права складывающихся «новых национальных меньшинств», сколько на права индивидов, принадлежащих к различным этническим группам, их равенство во всех областях жизни – вне зависимости от этнической принадлежности.

Как нам представляется, в чистом виде мало где возможно практическое воплощение той или иной модели. По всей видимости, в реальности имеют место комплексные варианты в зависимости от складывающейся ситуации и степени влияния этнического фактора, что явно демонстрирует российская ситуация, где имели место значительные колебания этнической политики.

Прежде следует отметить, что отечественный сценарий развития этнических отношений и национального вопроса имел свои весьма значительные специфические черты, хотя в то же время российский социум не миновали тенденции, затронувшие большинство индустриально развитых стран. Так, этнонационализм здесь тоже имеет место, хотя дал о себе знать несколько позже, чем в западных странах. Некоторые

исследователи (А.А. Галкин, С. Соловей) полагают, что национальная идея в СССР была выражена слабее, чем за рубежом, что и объясняет терпимое в целом отношение большинства населения к отделению территорий бывших союзных республик, некоторые из которых воспринимались как «иждивенцы».

Конституция Российской Федерации 1993 г. создавалась с существенной «оглядкой» на европейские документы, в том числе – и по национальной проблематике (Парижскую хартию, Европейскую «Декларацию о хартии народов и регионов»). Согласно основному Закону 1993 г., в России закреплялась мультиэтническая модель. Принципиальное значение для нового институционального пространства этнических отношений имело принятие Закона РФ «О национально-культурной автономии» и «Концепции государственной национальной политики Российской Федерации» (1996 г.). Эти документы фактически признавали: 1) что в поле национальной политики попадают все народы, в том числе не имеющие своих административных образований; 2) возможность «разгосударственного» самоопределения народов [9; 172].

В то же время российская этнополитическая практика далеко не всегда позволяла придерживаться принципов мультикультурной модели и сохранения максимальной лояльности государственной власти политическим претензиям этнических меньшинств. В 1992-1993 гг. – в пору утверждения российского федерализма – центральное правительство придерживалось политики уступок и консенсусных мер, обеспечивающих сохранение целостности страны. В 1992 году был подписан Федеративный договор, значительная часть которого вошла в Конституцию РФ 1993 г. Но в 1994–1999 гг. этнонациональная политика уже приобрела характер колебательных мер: от силовых

акций в период военных действий в Чеченской республике до стремления продолжать политику мультиэтничности через «сохранение поликультурного пространства и асимметричности федеративного устройства страны» [9; 174–175].

С 1998 года был взят курс на смену этнонациональной политики региональной. Тем самым этнонациональные проблемы сводились к местному самоуправлению и бюджетному федерализму. С приходом к власти В.В. Путина, принявшего жестко решать проблему децентрализации, реальная политика федерального центра сделала основной упор на укрепление вертикали власти, что стало осуществляться полномочными представителями Президента в 7 федеральных округах.

В то же время этническая идентичность в России редко бывает доминирующей (согласно тесту Куна-Макпартленда), попадая в число первых пяти идентификационных самоопределений у 5–20% респондентов. Интересно, что по сравнению с русскими этническая принадлежность значительно чаще упоминается людьми титульных национальностей, а также теми, кто пережил межэтнические конфликты. Довольно высокой является доля людей, у которых актуализированная этническая солидарность и этническая принадлежность (60% и, соответственно, 30–40%) [10; 209].

Констатируя исторически довольно высокий уровень этнической терпимости россиян, исследователи (Ю.В. Арутюнян, Л.М. Дробижева, А.А. Галкин) отмечают, что зачастую актуализация этнической идентичности сопровождается возрастанием социального напряжения. Как пишет А.А. Галкин, российский этнонационализм, «как распространенная форма умонастроений, начал распространяться лишь позднее, как проявление нереализованных ожиданий и ущемленного национального достоинства» [6; 81]. Имеет смысл разли-

чать два вектора этнонационализма – направленный внутрь и вовне. Что касается первого, то здесь речь следует вести о возрастании этносоциального напряжения между народами бывшего СССР. При этом развитие событий в конце 80–90-х гг. дает основание полагать, что поначалу этнонационализм был присущ малым народам союзных республик бывшего СССР, тогда как у русских он проявился скорее как реакция на настороженное (а, порой, враждебное) отношение со стороны как титульных наций вновь образованных государств, так и собственных национальных меньшинств. Среди причин направленного вовне этнонационализма следует отметить разочарование политикой ведущих западных стран в отношении России, которое сменило поначалу высокие здесь ожидания.

Очень важным моментом для настоящего исследования является общая точка зрения ряда отечественных этносоциологов по поводу многообразия межэтнических отношений на российском социальном пространстве. Это вполне понятно, если учитывать безусловную полиэтничность российского общества даже после отделения союзных республик. В нынешней России 17% российских граждан – лица нерусской национальности. При этом среди них есть как народы количественно превышающие миллион человек – татары (свыше 5 млн), чуваша, башкиры, мордва, довольно крупные диаспорные группы украинцев (около 4 млн), белорусов (более 1 млн) – и малочисленные народы, насчитывающие всего несколько сот человек (орочи, энцы и др.) [9; 168]. Взаимодействия между разными этносами зависят от целого ряда факторов: истории отношений между конкретно этими народами, уровнем социально-экономического неравенства, конкретной социальной и политической обстановки, психологических факторов (особенности ментальности, националь-

ный характер и пр.). В то же время собственно взаимодействия могут принимать различные, порой причудливые, формы, например, дружественные межиндивидуальные взаимоотношения представителей двух этносов могут контрастировать с напряженностью в публичных взаимоотношениях тех же самых этносов.

В 2000-х годах этническая ситуация в России приобрела ряд схожих черт с ситуацией во многих развитых индустриальных странах. Речь идет о высоком наплыве трудовых мигрантов или гастарбайтеров. Дело в том, что Россия значительно хуже западноевропейских государств защищена от нелегальной иммиграции. Поэтому на территории Российской Федерации удельный вес нелегальных мигрантов, скорее всего, выше, чем во многих западных странах. Помимо того, что нелегальная иммиграция является весьма важным источником криминальной активности, наплыв мигрантов дал толчок возникновению так называемого «расколотого рынка», когда за один и тот же вид работы представителям различных этносов платят неодинаково. Все это вызывает возмущение местного населения, недовольного вынужденной конкуренцией на рынке труда с приезжими, а также самих приезжих, недовольных более низкой оплатой. Объективно это в большей степени обостряет этническую проблематику в крупных городах, что отмечают Л.М. Дробижева и другие этносоциологи. В силу этого, спецификой массовых настроений является «высокий уровень напряжения, раздражительность, подозрительность, латентная, а в ряде случаев и открытая, агрессивность» [6; 83], проявляемая в отношении национальных меньшинств, особенно вновь прибывших трудовых мигрантов.

Характеризуя российский контекст этнической политики, необходимо отметить не только эт-

нический плюрализм, но и очень существенную дифференциацию регионов, особенно в социально-экономическом плане, что во многом есть результат ослабления государственной распределительной функции. Социально-экономическое положение региона существенным образом определяют его политический статус. С легализацией рыночных отношений в экономике механизм стихийной централизации капитала постоянно перераспределял ресурсы и средства в пользу столицы, в силу чего Москва естественным образом стала превращаться в финансовый и деловой центр. Причем с течением времени диспропорции заметно усиливались [11; 34]. Будучи лишеными серьезных экономических вливаний со стороны центра регионы теперь формируют собственное экономическое пространство, исходя из собственных природных и социальных ресурсов. Результатом подобного обстоятельства стала поляризация регионов Российской Федерации, среди которых стали различать регионы, нуждающиеся в дотациях и регионы-доноры [12; 289–290].

Как отмечает российский экономист К. Жирнель, экономическая активность на региональном уровне сосредотачивается в региональных столицах. Здесь сконцентрировано около 30% населения страны, формируется 40–70% валового регионального продукта каждого субъекта РФ, а в 2001–2007 гг. рост экономических показателей в этих городах почти на 1/3 опережал рост на остальной территории регионов. В региональных столицах концентрируется 40–80% всех инвестиций, осуществляемых в регионе. Также очевидны социальные преимущества региональных центров по сравнению с региональной периферией [13].

С течением времени региональная дифференциация в России отнюдь не уменьшилась. Эксперты констатируют, наоборот, увеличе-

ние разрывов и углубление поляризации. Так, например, различия в уровнях социально-экономического развития субъектов Федерации в 2007 г. составили 53 раза. Разрыв между регионами по уровню инвестиций, величине создаваемой добавленной стоимости достигает 20–30 раз [13].

В то же время социально-экономическая дифференциация регионов закономерна. Процессы развития не могут происходить одинаковыми темпами, особенно в такой обширной стране как Россия. По обоснованному мнению В.Н. Лексина, «Россия обречена на асимметричность, и это не зло и не благо, а данность, которая может обернуться злом только из-за наших же усилий несистемно и грубо (как это было, например, в период насильственного закрепления численности сельского населения до середины 60-х годов XX века) противиться воздействию этой данности» [14; 341].

Итак, в заключение имеет смысл отметить следующие факторы этнической политики на современном этапе.

Первый момент касается мировой проблематики в целом. Здесь универсальным фактором выступают глобализационные процессы, усиливающиеся с каждым десятилетием. В подобных условиях возрастает роль этничности, что объясняется, с одной стороны, усилением микронационализмов вкупе со снижением роли национального государства, а с другой стороны – международной мобильностью трудовых ресурсов. Это расширяет спектр проблем перед этнической политикой современных государств (подавляющее их большинство являются полиэтничными) – помимо традиционных внутренних вопросов, они зачастую вынуждено сталкиваются с наплывом мигрантов, обычно носителей принципиально иных культурных ценностей. При этом современные этносоциоло-

ги отмечают скорее снижение аккультурационных механизмов – равного усвоения двумя народами культурных элементов каждого из них. Это вполне логично, так как в рамках одного национального государства могут сосуществовать целые этнические анклавы, мало взаимодействующие друг с другом, почти по принципу «несообщающихся сосудов» [6]. В то же время, заявляющие о себе в качестве универсального явления глобализационные процессы имеют собственное культурное, экономическое и политическое преломление в конкретной национальной системе, порождая здесь комплекс факторов более частного порядка.

Из этого следует второй момент применительно к российскому обществу. Постсоветская Россия в глобальной социально-экономической структуре занимает статус полупериферии и является среднеразвитой страной (Второй мир), вполне привлекающей трудовых мигрантов из Третьего мира. В связи с этим российское общество в последнее десятилетие испытывает существенный наплыв иммигрантов, как правило, из стран средней Азии, со всеми вытекающими последствиями для культурных, социально-экономических, а также межнациональных аспектов общественной жизни. В то же время

при непосредственном участии глобализации в России образовалась заметная социально-экономическая дифференциация регионов, что создает перспективы не только регионализации, но и регионализма, особенно для автономных республик. Каждый регион представляет собой уникальную комбинацию хозяйственных, межэтнических и административных проблем, в связи с чем модели региональной этнической политики должны варьироваться в зависимости от этих обстоятельств.

Отсюда следует, что ряд теоретических моделей этнополитики, предлагаемых учеными-экспертами – императива, мультикультурализма, конституционного патриотизма, по нашему мнению, могут рассматриваться в основном только как идеальные типы, поскольку их реализация на практике весьма затруднена и сводится, по сути дела, к фрагментарным практикам. То есть конкретная проблемная ситуация вызывает комплекс политических мер, где могут быть представлены элементы разных моделей. Например, как убедительно проиллюстрировала Л.М. Дробижина, в Конституции Российской Федерации формально закреплена мультикультурная модель этнополитики, тогда как практика последней демонстрирует очень значительные колебания.

Примечания:

1. Евтух В. Этносоциология: объектно-предметное поле и перспективы исследований // Социология: теория, методы, маркетинг. 2007. № 2. С. 14.
2. Полянников Т.С. Национализм в (пост)современном мире. «Неожиданности» постбиполярного мира: национализм, сепаратизм и межэтнические конфликты // Полития.ru. 2006. № 3. С. 81. URL: <http://ecsocman.hse.ru>. (дата обращения 1.02.2015).
3. Цит. по: Альтерматт У. Этнонационализм в Европе. М., 2000. С. 218.
4. Альтерматт У. Этнонационализм в Европе. М., 2000. С. 217–218.
5. Жвитаишвили А.Ш. Андеркласс на Западе: дискуссии и реальность // Общественные науки и современность. 2008. № 3. С. 106.
6. Галкин А.А. Старые и новые лики национальной проблемы // Полития. 2005. № 1. С. 76.
7. Иноземцев В.Л. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы. М., 2000.
8. Кольев А.Н. Нация и государство. Теория консервативной реконструкции. М., 2005. С. 370–371.

9. Дробижева Л.М. Этничность в современном обществе. Этнополитика и социальные практики в Российской Федерации // Мир России. 2001. № 2. С. 171.
10. Дробижева Л.М. Проблемы межэтнических отношений в постсоветской России // Социальные трансформации в России: теории, практики, сравнительный анализ / под ред. В. Ядова. М., 2005. С. 209.
11. Россия на пороге XXI века: социально-экономический кризис и пути его преодоления. М., 1999. С. 34.
12. Халиков М.С. Социологическая типология моделирования распределительных отношений в региональном социально-экономическом пространстве // Человек и современный мир. М., 2002. С. 289–290.
13. Жирнель К.Э. Глобализация и регионализация современной экономики. URL: www.krc.karelia.ru/doc_download.php?id=3456&table_name (дата обращения 12.02.2015).
14. Лексин В.Н. Федеративная Россия и ее региональная политика М., 2008. С. 341.

References:

1. Evtukh B. Ethnosociology: object-subject field of research and perspectives of research // Sociology: theory, methods, and marketing. 2007, № 2. P. 14.
2. Polyannikov T.S. Nationalism in the (post) modern world. “Surprises” of post-bipolar world: nationalism, separatism and ethnic conflicts // Politiya.ru № 3, 2006. P. 81, Internet resource: <http://ecsocman.hse.ru>. Application date 01.02.2015.
3. Cit. by: Altermatt U. Ethnonationalism in Europe. M., 2000. P. 218.
4. Altermatt U. Ethnonationalism in Europe. M, 2000. P. 217–218.
5. Zhvitiashvili A. Sh. Underclass in the West: debates and reality // Social studies and modernity, 2008, № 3. P. 106.
6. Galkin A.A. Old and new faces of the national problem // Politia. 2005, № 1. P. 76.
7. Inozemtsev V.L. Modern postindustrial society: nature, contradictions and prospects. Moscow, 2000.
8. Kolyev A.N. The nation and the state. The theory of the conservative reconstruction. M., 2005, P. 370–371.
9. Drobizheva L.M. Ethnicity in contemporary society. Ethnopolitics and social practices in the Russian Federation // Russian W. 2001, № 2. P. 171.
10. Drobizheva L.M. The problems of ethnic relations in post-soviet Russia / Social transformations in Russia: theory, practice, comparative analysis. Ed. by Yadova V. M., 2005. P. 209.
11. Russia on verge of the 21st century: the socio-economic crisis and ways to overcome it. M, 1999. P. 34.
12. Khalikov M.S. Sociological typology of modeling distributive relations in the regional socio-economic space. // man and the modern world. M., 2002. P. 289–290.
13. Zhirnel K.E. Globalization and regionalization of the modern economy. Internet resource: www.krc.karelia.ru/doc_download.php?id=3456&table_name, date of treatment 02/12/2015.
14. Lexin V.N. Federative Russia and its regional policy. M, 2008. P. 341.